

В будущее возьмут не всех? Место прогнозирования в международно- политических теориях

Игорь Александрович Истомин, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: iaistomin@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Дискуссии о соотношения теории и прогноза в зарубежных изданиях активизировались с 2010-х гг., но в российской литературе эта тематика остается в значительной степени непроблематизированной. Настоящая статья систематизирует выдвигаемые в исследованиях международных отношений оценки роли теории в прогнозировании, выявляя перспективы совмещения прескриптивных, объяснительных, интерпретативных и предиктивных функций науки. Она раскрывает истоки как скепсиса теоретиков относительно прогнозов, так и ответной критики бесплодного теоретизирования. В результате статья выявляет ограничения и доминирующей в дисциплине гипотетико-дедуктивной модели познания, и оппонирующего ей статистического индуктивизма. Анализ начинается с представления различных классов теорий, сформировавшихся в исследованиях международных отношений.

Оно демонстрирует, что базовые установки нормативного, деконструирующего и интерпретативного теоретизирования плохо совместимы с прогнозированием. После этого рассматривается амбивалентное отношение к прогнозам сторонников объяснительных теорий, апеллирующих к принципиальной непрогнозируемости социальных взаимодействий. Статья отмечает появление с конца 2000-х гг. расчетов на то, что аккумуляция больших массивов данных вкупе с развитием методов их обработки обеспечит предсказания без опоры на объяснительные умозаключения. Тем не менее повышению прикладной ценности научных разработок способствовало бы совмещение теоретических объяснений и прогнозных исследований. Предпринятый обзор подводит к выводу: для того, чтобы теория могла играть большую роль в прогнозировании, прогнозы должны играть большую роль в теоретизировании. Принципиально разделять заключения/выводы о реальности, которые теоретики, безусловно, делают, и предположения о будущем, которые они в массе своей предлагать отказываются, а стоило бы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

теория, прогноз, гипотетико-дедуктивная модель, статистический индуктивизм, машинное обучение

Должна ли теория помогать предсказывать будущее? Возможно ли прогнозирование без опоры на теоретические умозаключения? В исследованиях международных отношений дискуссии по этим вопросам активизировались с 2010-х гг., в том числе под влиянием волны статистического индуктивизма, оспорившего примат гипотетико-дедуктивной модели познания. Тем не менее в российской литературе соотношение теории и прогноза до сих пор остается в значительной степени непроблематизированным¹.

Подобное положение сохраняется, несмотря на богатый опыт прогностических разработок, накопленный отечественным академическим сообществом с советских времен². Более того, в 2010-х–2020-х гг. интерес к прогнозированию в России подстегивался ростом ожиданий фундаментальных изменений мирового порядка³. Такие представления усилили потребность в прояснении научных оснований, на которых базируются предположения о будущем.

Дефицит интереса к вопросу о соотношении теоретизирования и прогнозирования объясняет доминирующий в отечественном академическом сообществе скепсис применительно к теории международных отношений как таковой. В советские годы последняя находилась под прессом марксистско-ленинской догматики, подавлявшей попытки самостоятельного теоретизирования⁴. С 1990-х гг. доминировала «парадигма освоения», в которой превалирующее место заняла ретрансляция западных построений зачастую без попыток их критической деконструкции⁵.

Как следствие, прогнозирование в России опирается преимущественно на интуитивные оценки экспертов, линейную экстраполяцию трендов, а также слабо операционализированные онтологические представления⁶. В этих условиях дискуссия о вкладе теории в построение прогнозов представляет интерес с точки зрения совершенствования методологических оснований российской науки. Осмысление ее результатов необходимо, чтобы в рамках самостоятельного теоретизирования не повторять путь проб и ошибок, который уже прошли зарубежные коллеги.

В этой связи статья призвана систематизировать выдвигаемые оценки роли теории в прогнозировании, оценивая перспективы совмещения прескриптивных, объяснительных, интерпретативных и предиктивных функций науки. Она раскрывает истоки как скепсиса теоретиков относительно прогнозов, так и ответной критики бесплодного теоретизирования. Как следствие, анализ вскрывает ограничения и доминирующей в дисциплине гипотетико-дедуктивной модели познания, и оппонирующего ей статистического индуктивизма.

1 Исключение на общем фоне составляют работы А.А. Кокошина, А.И. Подберезкина, М.А. Хрусталева (см.: Кокошин 2014; Стратегическое прогнозирование и планирование 2015; Стратегического прогнозирование международных отношений 2016, Хрусталева 2008).

2 Черкасов 2016, 245–249.

3 Сафранчук, Лукьянов 2021.

4 Показательный пример тому – судьба обзорного труда об основах теории международных отношений, разрабатывавшегося Институтом мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1970-х–1980-х годах. Книга так и не смогла выйти до распада Советского Союза (см.: Косолапов и др. 2021; Иноземцев 2022).

5 Богатуров 2004.

6 Между тем ещё в 1970-х гг. Э.А. Поздняков указывал: «Интерес к новым методологическим подходам к исследованию международных отношений, в том числе и к системному подходу, разумеется, не случаен. Когда перед наукой, изучающей международные отношения, встает задача раскрытия механизма их функционирования и развития, предвидения и прогнозирования этих отношений, то историко-описательные, дескриптивные методы исследования уже не могут обеспечить в должной мере решение такого рода задач» (Поздняков 1976, 9).

Статья решает не только описательно-объяснительные, но и прескриптивные задачи, определяя пути совершенствования исследовательской работы как с точки зрения углубления научного познания, так и для получения прикладных результатов на его основе. Предпринятый обзор подводит к выводу: для того чтобы теория могла играть большую роль в прогнозировании, прогнозы должны играть большую роль в теоретизировании. В этом смысле отказ исследователей от проверки своих заключений предположениями о будущем ставит барьер развитию исследований.

Многоликость теоретизирования

Понятие «теория» имеет множество значений. Словари разграничивают широкий и узкий варианты определений. В первом случае теория представляет собой «комплекс взглядов, представлений, идей, связанных с попытками объяснения или интерпретации определенной предметной области»¹. Пример употребления слова в этом значении даёт выражение «теория международных отношений», характеризующее совокупность несвязанных, а порой и противоречащих друг другу утверждений, объединённых общей проблематикой.

В узком смысле теория – это «форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях некоторой области действительности»². В данном случае речь идет о логически согласованной системе идей, а не разнородном наборе обобщений. Под такое понимание попадают теории баланса сил, экономической взаимозависимости, плюралистической однополярности и др. Каждая из них даёт внутренне непротиворечивое представление о каком-то аспекте реальности. Настоящая статья оперирует понятием «теория» во втором значении.

При этом продолжаются дискуссии относительно требований, предъявляемых к теориям в этом узком понимании, и задач, которые они призваны решать. Иными словами, ученые не могут договориться, для чего нужны теории, что они могут и должны делать. Споры по этим вопросам сыграли значимую роль, в том числе в становлении исследований международных отношений.

Традиционная точка отсчета летописания этой научной области – завершение Первой мировой войны. Моментом образования дисциплины считается открытие специализированной кафедры в Университете Аберистута. Ее создатели руководствовались ясным практическим мотивом – научное познание призвано было предотвратить новую крупномасштабную войну. Симптоматично, что кафедре назвали в честь президента США В. Вильсона, добивавшегося коренной реорганизации международного порядка для установления стабильного мира³.

Логично, что на начальном этапе в исследовании международных отношений доминирующей стала нормативная теория, ориентированная на проектирование будущего мироустройства⁴. Тем не менее уже в межвоенный

1 Новейший философский словарь 1999, 709.

2 Там же.

3 Booth 2019.

4 Здесь прослеживается параллель с общей логикой развития политической мысли, которая также изначально была ориентирована на поиск идеальной формы организации власти – см.: диалог «Государство» Платона.

период ее положения вызывали острую критику. Ведущую роль в развенчании утопий нормативизма сыграл британский историк Э. Карр, требовавший изучать реальность как она есть, а не то, какой она должна быть¹. Тем самым он закладывал основу позитивной теории международных отношений.

Сторонники последней исходили из принципиальной невозможности переустройства мира на рациональных началах. Практическую ценность науки они видели в том, чтобы научить государства приспосабливаться к реальности, в которой мировые войны возможны, а не устранить вероятность таковых. При этом сторонники позитивной теории стремились постичь каузальные механизмы, лежащие за наблюдаемыми событиями. Тем самым они фокусировались на поиске объяснений и выявлении логики в международных отношениях².

Образцом для них выступал Фукидид, который, повествуя о Пелопонесской войне, не ограничился списком взаимных обвинений афинян и лакедемонян, но искал «истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый»³. Из современных теоретиков центральность вопроса «почему?» наиболее последовательно отстаивал К. Уолтц. Он проводил различие между законами, фиксирующими взаимосвязи между явлениями, и теориями, дающими им объяснение⁴. К. Уолтц утверждал, что наука призвана устанавливать причины, а не просто корреляции.

Исторический контекст способствовал закреплению объяснительной теории в качестве доминирующего варианта теоретизирования и оттеснению нормативизма на периферию. В частности, Вторая мировая война нанесла удар по надеждам на возможность рационального переустройства мира, а следовательно, и по проектам, его преследующим. Вместе с тем гегемония позитивизма не выродилась в монополию.

Такие специалисты, как М. Уолцер, С. Хофман, Й. Галтунг заработали признание трудами о должном⁵. Элементы прескриптивизма прослеживаются даже в работах реалистов, возводящих интеллектуальную родословную к Э. Карру. Так, они проявляются в указании К. Уолтца, что государствам следует ограничивать амбиции обеспечением собственной безопасности, учитывая, что попытки экспансии порождают сдерживающие коалиции⁶.

С 1980-х гг. позитивные теории столкнулись с обвинениями в ценностной ангажированности со стороны рефлексивистского подхода. Сторонники последнего указывали, что призыв изучать реальность как она есть подразумевает, что никакой другой действительности быть не может. В этих условиях попытки объяснения становятся одновременно и способом оправдания наблюдаемого⁷.

Такая критика породила интерес к деконструирующим теориям, ставящим вопросы о том, как существующая реальность стала возможной, как она обосновывает свою легитимность и безальтернативность. Вместо рассуждений о причинах, по которым государства воюют, исследователи начали

1 Carr 1939, 13.

2 Jackson 2017.

3 Фукидид 1999, 41.

4 Waltz 1979, 5.

5 Walzer 1977; Hoffmann 1981; Galtung 1996.

6 Waltz 1979, 92.

7 Ashley 1981.

интересоваться, каким образом национальные государства стали господствующей формой политической организации или что представляет собой война в качестве социально регулируемого типа межгосударственного взаимодействия¹.

Деконструирование реальности продемонстрировало ограничения теоретизирования, преследующего цель выявления каузальных связей – поиска причин в предшествующих явлениях. Оно выявило необходимость изучения отношений взаимного конституирования, то есть связей между различными элементами реальности, которые делают друг друга возможными и необходимыми². Отход от объяснительной модели познания стал еще одной точкой расхождения деконструирующих и позитивных теорий.

При этом в отличие от представителей нормативизма, сторонники деконструирующих теорий выражали скепсис касательно возможностей социального инжиниринга ввиду глубокого переплетения между различными элементами существующей реальности. Их взаимная связанность побуждает выразителей этой интеллектуальной традиции признавать устойчивость структур действительности, несмотря на исходный пафос критического развенчания сложившегося порядка вещей.

Еще больше проблематизировали позитивистскую картину мира наиболее радикальные представители рефлексивистского подхода, утверждая, что объективная действительность в принципе не поддается изучению³. Следовательно, требование исследовать «реальность как она есть» бессмысленно. Вместо этого предметом изучения должны выступать представления о ней – различного рода нарративы. Этот подход лег в основу интерпретативных теорий, концентрирующихся на выявлении истоков и значений конкурирующих картин мира⁴.

Таким образом, за столетие с момента своего становления исследования международных отношений породили крайне разнообразные классы теорий. Тем не менее ни один из них не относил получение прогнозных оценок к числу приоритетных задач познания. Такой дефицит интереса к научным предсказаниям на фоне развития нормативных, объяснительных, деконструирующих, интерпретативных подходов порождает потребность в объяснении.

Предписания вместо прогнозов

С 1970-х гг. звучали голоса, обосновывавшие необходимость повышения роли прогнозирования в исследованиях международных отношений⁵. Однако в теоретических работах прогнозные оценки встречаются редко. В настоящем разделе рассматриваются положения нормативного, деконструиющего и ин-

1 См., например: Biersteker and Weber 1996; Finnemore 1996.

2 Wendt 1999, 25–28. Например, фигуры студента и преподавателя взаимосвязаны: педагогом может выступать только человек, у которого учатся, а учеником – только тот, кому есть у кого учиться – один невозможен без другого. В этом смысле они взаимно конституируют друг друга, но было бы некорректным утверждать, что наличие преподавателя выступает причиной появления студента и наоборот. В данном случае отсутствуют отношения логического и хронологического предшествования, необходимые для каузальности.

3 В основе такой позиции могут лежать как онтологические, так и эпистемологические основания. В первом случае исследователи утверждают, что объективной реальности отдельной от наблюдателя в принципе не существует. Во втором – что вне зависимости от наличия или отсутствия объективной реальности наши средства познания неспособны ее наблюдать.

4 Neufeld 1993; Lynch 2013.

5 Choucri 1974; Choucri and Robinson 1978; Freeman and Job 1979; Schneider, Gleditsch and Carey 2011.

терпретативного подходов, отвращающие их сторонников от совершения прогнозов. Позиция представителей объяснительных теорий относительно научных предсказаний ввиду ее противоречивости будет рассмотрена отдельно.

Прежде чем перейти к разбору взглядов теоретиков на прогнозирование, следует дать дефиницию изучаемого понятия. Словарь определяет прогноз как «вероятностное суждение о состоянии какого-либо явления в будущем, основанное на специальном научном исследовании»¹. Наиболее сильный вариант – предсказание конкретного события в оговоренные сроки. Научные предсказания выражаются и в менее однозначной форме – в виде предположений относительно шансов на достижение объектом некоторого состояния при выполнении ряда условий.

Не любые высказывания о будущем представляют собой теоретически обоснованный прогноз. В частности, выдвижение ряда альтернативных сценариев отражает неуверенность относительно возможного развития событий. Несмотря на широкое применение этого метода в аналитических разработках, опора на него свидетельствует о неспособности редуцировать сложность рассматриваемого явления. Таким образом, оно представляет собой отступление перед лицом неопределенности будущего, снижающее прогностическую ценность теоретизирования.

Иной тип высказываний, не подпадающих под определение прогнозов, представлен в нормативных теориях. Проектируя варианты преобразования реальности на более или менее отдаленную перспективу, они обнаруживают предписывающее, а не предсказывающее отношение к будущему. Их представители не дают вероятностных суждений о возможных состояниях явления, а предъявляют к нему требования. Последние зачастую радикально расходятся с окружающей действительностью, а потому предполагают преодоление укоренившегося порядка вещей.

Примером противопоставления нормативного теоретизирования и реальности выступают проекты искоренения межгосударственных войн, восходящие к кантианской концепции «вечного мира». Сам И. Кант однозначно указывал: «Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны»². Таким образом, он априори не рассматривал исчезновение международного насилия в качестве наиболее вероятного развития событий.

Положения нормативной теории осуществимы, только если политические субъекты стремятся их реализовать. Вместе с тем такое исполнение не может рассматриваться в качестве примера реализованного прогноза. Скорее, элементы прогнозирования стоит искать в тех предупреждениях, которые выдвигают сторонники нормативных теорий на случай, если их предписания проигнорируют. Пример дает вывод Н. Энджелла в 1910 г., что, если великие державы не откажутся от империалистических иллюзий, они будут втянуты в катастрофическую войну³.

1 Новейший философский словарь 1999, 548.

2 Кант 2019, 256.

3 Angell 1910.

Хотя деконструирующие теории, в первую очередь, ориентированы на осмысление истоков настоящего, выводы о том, как сформировалась окружающая реальность, их представители порой проецируют на будущее. Так, предположения Э. Линклейтера о перспективах преодоления государственного эгоизма строятся на аналогии с распадом племенных общностей¹. Аналогичным образом А. Вендт обосновывал неизбежность появления мирового государства, исходя из логики предшествовавшего исторического развития².

Такие предположения, выражая телеологический взгляд на исторический процесс, в первую очередь раскрывают ценностные установки их авторов. Они оказываются случаями скрытого нормативизма, маскирующего предписания под видом прогнозов. Подтверждением тому становится отсутствие указаний на конкретные сроки реализации описываемых изменений, которые, как правило, относятся к неопределенно далекому будущему.

Между тем изначальный посыл деконструирующих теорий ставит под сомнение саму возможность прогнозирования. Изучение того, как сложившееся положение сделалось возможным, заведомо предполагает, что оно не было неизбежным. Логика деконструирующих теорий подразумевает наличие неосуществленных альтернатив. Из этой проблематизации следует, что будущее принципиально неопределенно. Соответственно, последовательная приверженность деконструирующему подходу требует скепсиса в отношении предположений о нем³.

На схожих позициях стоят представители интерпретирующих теорий. Замечая изучение реальности осмыслением альтернативных дискурсов и соперничающих нарративов, они в принципе не рассматривают проблему прогнозирования как интригующую. Разделяя с деконструирующими теориями ориентацию на эмансипацию, они не связывают ее с будущим, даже отдаленным. Освобождение понимается как преодоление навязанных представлений, выступая сугубо индивидуальным актом.

Как следствие, эмансипация возможна не когда-то потом, а сейчас, но она требует постоянного подрыва непрекращающихся попыток дискурсивного контроля⁴. Интерпретативные теории исходят из того, что будущее будет таким же, как прошлое, в том смысле, что борьба интерпретаций и навязывание представлений неизбежны. В этом отношении они сближаются с рядом позитивных теорий (реализмом), которые в других отношениях ожесточенно критикуют.

Таким образом, базовые установки нормативных, деконструирующих, интерпретативных вариантов теоретизирования не дают оснований для научного

1 Linklater 1982.

2 Wendt 2003.

3 Противоречие между телеологическими представлениями об истории и социальной критикой, характерное для деконструиющего теоретизирования, остро осознавалось еще классиками общественной мысли. Показательной попыткой найти формулу их примирения выступает известное утверждение Карла Маркса о том, что «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (Маркс 1957, 119).

4 Показательно в этой связи утверждение Мишеля Фуко: «...невозможно никакое общество без отношений властвования, если понимать их как стратегии, посредством которых индивидуумы пытаются руководить, определять действия других... Таким образом, проблема состоит не в том, чтобы пытаться растворить их в утопии совершенно прозрачной коммуникации, а в том, чтобы обеспечить себя правовыми нормами, техниками управления и моралью, этосом, практикой относительно самих себя, которые позволят играть в этих играх власти с возможным минимумом доминирования» (см.: Foucault 1994, 727).

прогнозирования. Вероятностные предположения о будущем могут появляться лишь как побочный продукт прескрипций или в результате отступления от строгого следования логике самих этих подходов. На этом фоне позитивные теории ввиду приверженности каузальности должны отличаться большей готовностью к выдвиганию прогнозных оценок. Тем не менее их сторонники также нередко исповедуют скептическое отношение.

Причинность без предсказаний

Объяснительное теоретизирование – наиболее логичная опора прогнозирования, ввиду его сциентистской ориентации на принципиальную познаваемость реальности. В позитивистской концепции науки, разработанной, в частности, К. Гемпелем, объяснение и прогноз предстают зеркальными отражениями друг друга – определить причины событий значит постичь их логику и, следовательно, стать способным делать обоснованные предположения о том, что произойдет в будущем¹.

Такой взгляд разделяет ряд международников, работающих в русле объяснительного подхода. Например, Дж. Миршаймер и С. Уолт утверждали, что прогнозы вообще невозможны без опоры на теоретическое объяснение: «...теория позволяет предсказывать, что важно для нашей повседневной жизни, разработки политики и развития социальных наук[...] поскольку многие аспекты будущего неизвестны, мы обязаны полагаться на теории, чтобы предсказывать, что может произойти»².

Вместе с тем ряд крупных представителей объяснительной теории в исследовании международных отношений скептически оценивали возможность научного прогнозирования. Так, один из основателей дисциплины Г. Моргентау негативно характеризовал попытки предсказывать что-либо, кроме наиболее общих тенденций. В качестве препятствий он выделял неполноту информации о состоянии международно-политической среды и обстоятельствах принятия внешнеполитических решений, а также индетерминизм свободы воли человека³.

Еще более показателен взгляд К. Уолтца. Следуя заветам К. Поппера, он увязывал обоснованность теоретических предположений со сложностью проходимых ими эмпирических проверок – недостаточно оценивать справедливость объяснений на случаях, в которых они заведомо дадут ожидаемый ответ⁴. События, происходившие после формулирования теории, предстают идеальными кандидатами на роль такого рода сложных тестов. Их достоинство уже в том, что они не могли быть источником наблюдений, на которых выстраивалось объяснение.

Тем не менее К. Уолтц прямо оговорил неспособность своей теории структурного реализма предсказать поведение отдельных участников международной политики. Он утверждал, что отношения между государствами определяются

1 Hempel 1966.

2 Mearsheimer, Walt 2013, 436.

3 Morgenthau 1946.

4 Waltz 1979, 13–16.

принуждениями среды, но государства не во всех случаях следуют им. К. Уолтц сравнивал это положение с невозможностью спрогнозировать траекторию падения отдельного листа с дерева на основе ньютоновской теории гравитации¹. Такой оговоркой он резко осложнил перспективы фальсификации собственных построений.

На эту особенность указал Дж. Васкез, отмечая, что в уолтцевской трактовке структурный реализм заведомо не проверяем. Когда все же другие исследователи пытались приложить его к анализу исторических ситуаций, развитие событий противоречило теоретическим ожиданиям. Следуя критериям позитивной науки, Васкез заключал, что теория Уолтца не только некорректна, но и ненаучна, так как не дает основы для конкретных научных предсказаний².

В ответе на критику К. Уолтц осудил увязывание продуктивности теоретизирования со способностью предсказывать конкретные события. Он утверждал, что критерием хорошей теории выступает качество объяснения, а не точность основанных на ней прогнозов. Он приводил пример теории эволюции, выявлявшей логику появления биологических видов, но неспособной оценить, какие изменения с ними произойдут в будущем³. К. Уолтц заключал, что выявление причин не гарантирует возможности прогнозов.

Его аргументацию поддержала группа теоретиков, опубликовавших статью с провокационным названием «Бог дал физике простые проблемы»⁴. В ней авторы осудили попытки аналогий между изучением физических процессов и социальных явлений. Они также вернулись к тезису Моргентхау о непредсказуемости человеческого выбора, усложняющей прогнозирование в общественных науках даже в сравнении с объяснением истории биологических видов.

Авторы статьи заключали, что прогнозы отдельных событий в исследовании международных отношений невозможны. Как следствие, они призывали в оценках будущего ориентироваться на сценарный подход к осмыслению перспектив. Они подчеркивали, что сценарии – не предсказания, а обусловленные предположения о возможных трендах⁵. Показательно, что такая критика прогнозирования звучала именно с позиции сторонников объяснительных теорий, а не нормативных, деконструирующих или интерпретативных подходов.

Она базировалась на предложенном ранее противопоставлении различных типов явлений, которые К. Поппер обозначал как «часы» и «облака»⁶. Механические часы выступали образцом предельно детерминированной системы. Если разобрать ее устройство, можно прогнозировать возможные состояния в любой момент времени. Напротив, облака предстают заведомо неопределенными образованиями. Даже глубокое знание атмосферных явлений не позволяет давать точные предсказания формы конкретной тучи.

В рамках противопоставления «облаков» и «часов» отдельным предметным областям приписываются различные позиции на континууме прогнозируемости.

1 Waltz 1979, 20.

2 Vasquez 1997.

3 Waltz 1997.

4 Bernstein et al. 2000.

5 Ibid., 54.

6 Popper 1966.

Одни явления (например, технические устройства) более предсказуемы, чем другие (социальные отношения)¹. Большинство теоретиков согласны в том, что объект «международные отношения» относится к числу «облаков». Соответственно, они не видят противоречия в совмещении интереса к причинности и отказа от прогнозирования².

Такой подход с конца 2000-х гг. стал вызывать критику, апеллировавшую к прикладным задачам науки, а также к предсказательной силе как критерию научности. Ее инициаторами выступили сторонники статистического индуктивизма, опиравшиеся на теорию вероятности, оперирование большими массивами данных и инструменты машинного обучения. С появлением новых методов и технических средств они связывали рост возможностей прогнозирования.

Прогноз как мера познания

Привилегированное положение теории в науке отражало закрепление примата дедуктивной логики познания, требовавшей подведения частных случаев под общие правила. Она прибегала к анализу эмпирики, в первую очередь, для проверки ранее выдвинутых предположений³. Этому подходу противостояла индуктивистская традиция, восходящая к трудам Ф. Бэкона⁴. Она отстаивала примат наблюдений над умозаключениями. С точки зрения Ф. Бэкона, только опора на опыт избавляет от идолов мышления.

Фундаментальный изъян бэконовской традиции, получивший название «проблемы индукции», обозначил Д. Юм. Он указал, что выведение обобщений на основе отдельных примеров исходит из допущения, что случаи, которые мы еще не наблюдали, будут схожи с теми, на которые опираются наши умозаключения⁵. Такое предположение нередко оказывается ошибочным. Хрестоматийным примером выступало убеждение, что все лебеди белые, господствовавшее в Европе до тех пор, пока не были обнаружены черные особи в других Частях Света.

Критика Д. Юма прямо ставила под сомнение обоснованность предсказаний, совершаемых на основе индукции. Тем не менее развитие инструментов сбора и анализа данных реинкарнировало надежды на то, что увеличение числа наблюдений позволит повысить точность прогнозов, следуя представлениям о перерастании количества в качество. Прилив энтузиазма в отношении возможностей индуктивистского подхода стал особенно заметен на рубеже 2000-х–2010-х годов.

Программой оказалась статья публициста К. Андерсона, амбициозно провозгласившая конец научных теорий. Она оптимистично пропагандировала возросшие возможности аккумулирования и обработки больших массивов информации

1 При этом Поппер указывал, что еще в период господства классической физики появлялись критики механистической картины мира, которые утверждали, что даже за строгими законами Ньютона скрывается недооцененный элемент индетерминизма. Открытие квантовых процессов подкрепило эту точку зрения.

2 В этой связи они игнорируют критиков фундаментального индетерминизма. Позицию последних выразил Альберт Эйнштейн, заявляя: «Бог не играет в кости». Письмо Эйнштейна Макс Борну от 4 декабря 1926 г. (см.: Born and Einstein 1971, 91). Цитируемое утверждение было написано ввиду неприятия Эйнштейном принципиального индетерминизма квантовой теории. Оно впоследствии нашло отражение в критической статье Einstein, Podolsky and Rosen 1935. Этот подход исходит из того, что все «облака» на самом деле «часы», а представление о принципиальной непрогнозируемости – интеллектуальное капитулянтство.

3 См.: Поппер 2004.

4 Бэкон 2018.

5 Юм 2019.

с помощью компьютерных средств. Андерсон заключал, что многомерный статистический анализ столь значительного числа наблюдений обеспечивал получение предсказаний высокой точности, даже без определения причин выявляемых закономерностей.

Его пафос был прямо направлен против объяснительной теории, опирающейся на гипотетико-дедуктивную модель познания: «Петабайты позволяют нам сказать: “Корреляции достаточно”. Мы можем перестать искать модели. Мы можем анализировать данные без гипотез о том, что они могут нам сказать. Мы можем бросить числа в самые большие вычислительные кластеры, которые когда-либо видел мир, и позволить статистическим алгоритмам находить закономерности там, где их не может найти наука»¹.

Архетипическим для К. Андерсона был опыт компании «Гугл», разрабатывавшей алгоритмы Интернет-поиска для предсказания запросов пользователей. Вместо того чтобы выяснять, почему люди открывают те или иные страницы, «Гугл» ориентировался на частотность запросов различных аудиторий и с учетом собираемых данных адаптировал выдачи. Андерсон утверждал – превосходство прогнозов, опирающихся на статистику, а не теории, обеспечит доминирование индуктивизма в научном познании.

В том же 2008 г. Н. Сильвер продемонстрировал продуктивность анализа данных для предсказания политических событий. Используя алгоритмы взвешенного агрегирования, он дал корректный прогноз итогов электоральной кампании в США для всех, кроме одного штатов. В 2012 г. он улучшил результат, представив точную оценку распределения всех выборщиков в стране². Этот успех породил множество подражателей, сформировав моду на статистические модели в электоральной аналитике³.

Для прогнозирования выборов Н. Сильвер адаптировал инструменты, которые ранее использовал в оценке спортивных турниров. Он брал данные опросов общественного мнения, придавал им различный вес с учетом степени отклонения их результатов от развития событий в прошлом, а потом рассчитывал средний показатель. При этом он не обращал внимания на причины, определявшие исход выборов, не рассматривал программы кандидатов, их агитацию, предшествующий опыт или медийный образ, ограничиваясь статистической вероятностью.

Еще одним влиятельным голосом в поддержку статистического индуктивизма выступил Ф. Тетлок, проводивший конкурсы политических прогнозистов. Его исследования продемонстрировали, что наиболее точные предсказания давали респонденты, не склонные к догматизму одной объяснительной схемы, а, наоборот, характеризующиеся открытостью мышления⁴. Кроме того, преимущество в оценивании шансов наступления политических событий давало владение теорией вероятности.

1 Chris Anderson, "The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete," *The Wired*, June 23, 2008, accessed March 12, 2024, <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/>.

2 Luke Harding, "Numbers nerd Nate Silver's forecasts prove all right on election night," *The Guardian*, November 7, 2012, accessed March 12, 2024, <https://www.theguardian.com/world/2012/nov/07/nate-silver-election-forecasts-right>.

3 Jay Caspian Kang, "What Was Nate Silver's Data Revolution?" *The New Yorker*, June 13, 2023, accessed March 12, 2024, <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/what-was-nate-silvers-data-revolution>.

4 Tetlock 2017; Tetlock, Gardner 2016.

Эти результаты согласовывались с экспериментами психологов, выявивших ориентацию человеческого мышления на когнитивную согласованность. Оно склонно встраивать получаемую информацию во внутренне непротиворечивые истории. Поиск рациональных объяснений может приводить к недооценке роли случая. Работы Д. Канемана и А. Тверски показали, что опора на частотность аналогичных событий позволяет получать более точные прогнозы, чем рассуждения на основе поиска причин¹.

Провозвестником статистического индуктивизма в исследованиях международных отношений стал М. Уорд, в середине 2010-х гг. выступивший с осуждением засилья теории². Развивая критику Дж. Васкеза, он обвинил теоретиков (не только К. Уолтца) в низкой предсказательной силе их построений, ввиду недостаточно четкой операционализации переменных, множественных оговорок, волюнтаристского подбора примеров для подтверждения правоты. Между тем М. Уорд утверждал, что именно предсказательная сила выступает критерием оценки истинности научных суждений.

Его критика сопутствовала росту числа публикаций, выдвигавших на основе статистического анализа предиктивные предположения относительно динамики вооруженных конфликтов, террористической активности, политического насилия³. Он лично участвовал в прогнозных исследованиях рисков гражданских и межгосударственных противостояний, смещения политических лидеров, а также в разработке методов предсказания геополитических событий путем комбинирования экспертных и машинных оценок⁴.

Перечисленные примеры свидетельствуют, что наибольший интерес к прогнозированию демонстрировали специалисты, изучающие различные типы политического насилия⁵. Еще ранее среди них широкое распространение приобрело использование статистических методов. Они применялись преимущественно для тестирования моделей на основе массивов данных о предшествующих событиях. Такие исследования продолжали следовать в русле гипотетико-дедуктивной модели.

Новой тенденцией 2010-х гг. стало внедрение прогнозов на основе машинного обучения. Оно использовало алгоритмы, в которых заранее не закладываются предположения о возможных закономерностях. Вместо этого они выявляли множественные взаимосвязи в массиве данных и на их основе выдавали предсказания о последующих случаях. Этот подход не только исключил опору на теоретические предположения, но и не предполагал получение обобщений по итогу работы⁶.

Машинное обучение строится даже не на восхождении от частного к общему, присущем индуктивной логике, а на выведении по аналогии – оценки делаются на основе выявления сходств с предшествующими наблюдениями без

1 Tversky, Kahneman 1983.

2 Ward 2016; 2017.

3 См., например: Goldstone et al. 2010; Brandt et al. 2011; Raghavan, Galstyan, and Tartakovsky 2013; Colaresi, Mahmood 2017; Schutte 2017; Hegre et al. 2019; Hossain et al. 2020; Hegre, Vesco, and Colaresi 2022.

4 Ward, Greenhill, and Bakke 2010; Gleditsch and Ward 2013; Ward, Beger 2017; Benjamin et al. 2023.

5 Hegre et al. 2017; Chadeaux 2017; D'Orazio 2020.

6 Нужно оговориться, что любые статистические методы опираются на математическую науку, включая теорию вероятности.

формулирования обобщений. Такой подход априори не предполагает возможности целостного объяснения получаемых выводов. По сути, его сторонники воспроизводят позицию представителей копенгагенской интерпретации квантовой теории. По колкому замечанию Н.Д. Мермина, последние на вопросы о странностях взаимодействия элементарных частиц отвечали окриком: «Заткнись и вычисляй!»¹.

Хотя статистический индуктивизм и машинное обучение в исследовании международных отношений до сих пор не получили распространения за пределами отдельных субдисциплин, вопрос о перспективах их широкого внедрения стоит остро. Показательно, что объектом критики М. Уорда выступали ведущие международники, а не только конфликтологи. В этой связи следует оценить оправданность выводов статистического индуктивизма о бесплодности теории для прогнозирования и перерастании количества данных в качество прогнозов.

Quo Vadis?

В основе аргументации статистического индуктивизма лежат три взаимосвязанных утверждения. Во-первых, прогноз – основной продукт исследовательской деятельности, определяющий как ее прикладную ценность, так и валидность умозаключений. Во-вторых, существующие теоретические объяснения не обеспечивают основы для прогнозирования ввиду недостаточной строгости их положений. В-третьих, многомерный анализ больших массивов данных позволяет давать предсказания без опоры на объяснительные теории.

Сторонники гипотетико-дедуктивной модели познания редко впрямую оспаривают эти положения. Как отмечалось выше, они, в первую очередь, апеллируют к непредсказуемости человеческого поведения. Однако этот тезис противоречит опыту изучения других областей общественной жизни, дающего успешные примеры прогнозов социальных взаимодействий². Показательно также, что в отношении прогнозирования ряда явлений, считавшихся слабо предсказуемыми, впоследствии был достигнут заметный прогресс³.

Кроме того, указание на элементы индетерминизма в международных отношениях игнорирует вероятностный характер оценок, выдвигаемых сторонниками статистического индуктивизма. Последние не претендуют на обладание хрустальным шаром для чтения будущего. Они лишь утверждают, что оперирование большими массивами данных обеспечивает большую точность прогнозов по сравнению с опирающимися на теорию умозаключениями.

Более изощренным предстает контраргумент о малом числе наблюдений. Не оспаривая продуктивность статистического индуктивизма в иных областях, он сетует на отсутствие условий для этого подхода в международных отношениях. Исходя из того, что изначально проблемное поле дисциплины определялось

1 Mermin 1989.

2 В частности, упомянутые предсказания результатов выборов.

3 Например, в середине XIX в. принципиально нерешаемой считалась задача прогнозирования погоды. Впоследствии метеорология добилась значительного прогресса в этой области. Даже за последние десятилетия произошли революционные изменения – к рубежу 2020-х гг. прогнозы метеорологов на пять дней достигли того же уровня точности, какой в 1980-х гг. характеризовались прогнозы на ближайшие сутки (см.: Alley, Emanuel, and Zhang 2019).

страхом мировых войн, ее предметом выступало действительно редкое явление. За последние пять веков в среднем на столетие насчитывалось по два общесистемных конфликта между великими державами¹ – выборка недостаточная для статистических оценок.

В то же время предметное поле исследований международных отношений с течением времени расширилось до изучения всего комплекса взаимодействий между государствами и другими типами субъектов. Они имеют множество эмпирических проявлений, включая политические заявления, визиты, переговоры, подписание совместных документов, введение санкций, направление войск и др. Совокупность этих фактов обеспечивает обширный материал для статистического анализа².

Реализация проектов создания Интегрированной системы раннего предупреждения о кризисах (*Integrated Crisis Early Warning System, ICEWS*) и Глобальной базы данных событий, языков и тональностей (*Global Database of Events, Language, and Tone, GDELT Project*) подтвердила возможность формирования структурированных массивов гранулированной информации о политических событиях³. Соответственно, аргументы о дефиците сведений или о сложностях их сбора в исследовании международных отношений становятся все менее релевантными.

Недостатки описанной критики статистического индуктивизма возвращают к вопросу обоснованности его базовых положений. При внимательном рассмотрении они оказываются весьма уязвимы. В первую очередь, сомнения вызывает вера в эвристическую ценность аккумулирования данных без опоры на теоретическую базу. Опыт использования машинного обучения в других областях дает немало примеров искажений в результатах, обусловленных содержанием тех массивов, на которых обучаются алгоритмы.

В частности, корпорация *Amazon* была вынуждена отказаться от внедрения искусственного интеллекта для найма сотрудников, потому что разработанная ею система дискриминировала женщин в процессе отбора. По итогам обработки резюме за предшествующие годы алгоритм выявил, что кандидатуры мужчин одобрялись чаще, и стал рекомендовать только их⁴. Аналогичные проблемы возникали при применении машинного обучения в правоохранительной сфере – использование полицейских архивов для обучения алгоритмов в США давало искаженные прогнозные оценки, завышавшие вероятность совершения преступлений представителями отдельных этнических, расовых групп⁵.

1 Braumoeller 2019, 26.

2 В качестве аналогии можно привести пример революции в футбольной аналитике. Футбол отличается от других видов спорта низкой результативностью (главное событие в игре – гол, но множество матчей заканчивается счетом 0:0) и малой структурированностью (правила не разграничивают игровое поле на большое количество зон, время таймов не останавливается в случае пауз между игровыми эпизодами). В результате до начала 2010-х гг. статистические методы находили меньшее применение в анализе по сравнению с другими играми (американским футболом, баскетболом, бейсболом, хоккеем, шахматами). Тем не менее внедрение инструментов продвинутой статистики (например, показателя xG, оценивающего ожидаемые голы в матче) способствовало повышению значения количественного анализа в этой области деятельности (см.: Rein, Memmert 2016; Goes et al. 2021).

3 Ward et al. 2013.

4 Datin J., "Insight – Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women," Reuters, October 11, 2018, accessed March 12, 2024, <https://www.reuters.com/article/idUSKCN1MK0AG/>.

5 Richardson, Schultz, and Crawford 2019; Ugwuodike 2022.

Приведенные примеры демонстрируют, что рост технических возможностей в вопросах сбора и обработки информации не устраняет вопрос о том, какие данные релевантны для решения поставленных задач. Теория остается востребована при классификации явлений, без которой невозможно формирование массивов для последующего обучения самых совершенных алгоритмов. Причем прояснением природы наблюдаемого, в первую очередь, озабочены деконструирующие подходы.

Не менее спорным выступает тезис о бесполезности объяснений для прогнозирования. Он слабо согласуется с опытом сопоставления прогнозных оценок на основе дедуктивных объяснений и механистической обработки больших массивов. В частности, Р. Блэр и Н. Самбанис продемонстрировали, что в предсказании вероятности инициирования гражданских войн индуктивный подход, опирающийся на статистическую обработку больших объемов данных, проигрывает в точности процедурным моделям, построенным на дедуктивно-обоснованных переменных¹.

В дискуссии, вызванной этим исследованием, даже сторонники статистического индуктивизма, включая М. Уорда, согласились, что вопрос о прогностической ценности теоретических объяснений должен решаться на основе эмпирического анализа². Иными словами, они были вынуждены признать, что не все теории одинаково бесполезны. При этом они сохраняли требование определять научную значимость объяснений их предиктивной способностью – критерий, по-прежнему вызывающий отторжение у теоретиков.

Наконец, проблематичен продвигаемый статистическим индуктивизмом тезис о примате прогнозных задач. В частности, некорректно увязывать прикладное значение исследований исключительно со способностью давать предсказания будущих событий. Практиков интересует не столько собственно прогнозирование, сколько вклад познавательной деятельности в решение тех управленческих проблем, которые перед ними встают.

Показательно, что в период становления дисциплины прикладной запрос обусловил доминирование нормативного теоретизирования. Такое положение отражало ориентацию познавательной деятельности на преобразование международной действительности, пусть и вызывая обвинения в прожектерстве. Даже сторонники реализма, критиковавшие нормативизм, выводили из своих умозаключений прикладные рекомендации по выстраиванию внешнеполитического курса.

Таким образом, в глазах практиков полезность прогнозных оценок и иных результатов исследования увязана с возможностями оказания управляющего воздействия на развитие событий в выгодную для себя сторону. Прогнозы, не подкрепленные объяснением логики развития событий, не обеспечивают оснований для принятия решений, так как не раскрывают механизмы, определяющие их динамику. Они не дают ответа, как различные действия могут способствовать достижению предпочтительного варианта будущего.

1 Blair, and Sambanis 2020.

2 Beger, Morgan, and Ward 2021.

Соответственно, принципиальная необъяснимость результатов, полученных на основе машинного обучения, понижает их прикладную ценность. Как следствие, растет запрос на «объяснимый искусственный интеллект» (*Explainable Artificial Intelligence*) – такой, который сможет эксплицировать закономерности, лежащие в основе получаемых оценок. Однако на пути его построения сохраняются не только технические, но и концептуальные сложности¹.

Наибольшему удовлетворению прикладных запросов способствовало бы совмещение объяснительного теоретизирования и предсказательных разработок в качестве взаимодополняющих подходов. Опыт предшествующих дебатов о предназначении научного знания в исследовании международных отношений побуждает ожидать, что на смену взаимным обвинениям придет достижение именно такого компромисса. Более того, дисциплины, испытавшие воздействие статистического индуктивизма ранее, демонстрировали аналогичную эволюцию.

Так, 1990-е гг. были отмечены ростом интереса к доказательной медицине, приоритезировавшей клинические испытания над другими источниками медицинского познания². Ключевым критерием выбора лечения постулировались результаты рандомизированных контролируемых экспериментов, обобщаемые в рамках метаанализа. При этом отвергались иные основания медицинских суждений, в том числе отражавшие теоретические представления об устройстве организма и природе болезней.

К середине десятилетия радикализм новомодного подхода сменился признанием необходимости соединения опоры на экспериментальные данные с поиском механизмов, объясняющих эффективность рекомендуемых способов и средств медицинского вмешательства³. Оно сопровождалось ростом требований к доказательной проверке предположений относительно последних. Таким образом, на смену острому противостоянию в медицинских науках пришел компромисс.

В исследованиях международных отношений условием продуктивного совмещения объяснительного теоретизирования и статистического индуктивизма также должно стать изменение отношения к предиктивным оценкам. До сих пор в дисциплине фактически отсутствуют механизмы санации не оправдавших себя умозаключений, для поддержания на плаву последних всегда можно откопать ряд исторических примеров. Сопоставление научных предположений с последующим развитием событий дало бы мощный инструмент проверки дедуктивных построений.

Доминирующий скепсис в отношении прогнозирования становится барьером на пути развития дисциплины. В дискуссиях о том, может ли и должно ли объяснение выступать основанием для предсказаний, недооцененной остается потенциальная роль прогнозов в качестве основы для совершенствования теоретизирования. Внедрение прогнозирования в качестве критерия обоснованности умозаключений осложнит жизнь теоретиков, но сделает их работу более научно доказательной, а результаты более практически применимыми.

1 Gunning 2019.

2 Guyatt et al. 1992.

3 Andersen 2012; Howick 2011.

Заключение

Исследования международных отношений за столетие с момента институционализации дисциплины разрослись в обширную семью подходов, концепций и субдисциплин. Не всегда отношения в сообществе складываются гладко, имеется множество внутренних разногласий и конфликтов. Например, объяснительное теоретизирование занимает главенствующие позиции, но его статус постоянно оспаривается. Появляются все новые амбициозные альтернативы.

На фоне этой богатой и разнообразной жизни прогнозирование долгое время оставалось на позициях Золушки в дисциплине. Развернувшаяся с 2010-х гг. дискуссия, подпитываемая аналогичными обсуждениями в других областях научного знания, привлекла к нему дополнительное внимание. Распространение статистического индуктивизма, определившего предсказательную силу в качестве главного и единственного критерия научности, ставит под сомнение устойчивое положение вещей в дисциплине.

Традиционный тезис о принципиальной непредсказуемости международных отношений удобен тем, что снимает ответственность с исследователей, избавляет их от необходимости подвергать риску собственную репутацию. Тем не менее дефицит научно обоснованных предсказаний оставляет лакуну, которую нередко заполняют псевдоакадемические спекуляции и заведомо антинаучные построения. В этом отношении уклонение исследователей от выдвижения прогнозных оценок порождает негативные последствия.

Следует признать, что нормативные, деконструирующие, интерпретативные теории в силу своих базовых онтологических установок мало предрасположены к выдвижению прогностических следствий. Между тем проверка на предмет предсказательной способности позволила бы повысить качество научных объяснений. Тем более, что подобный шаг не требует капитуляции перед вызовом статистического индуктивизма. Наоборот, он способен укрепить позиции теоретиков, устранив уязвимые для критики дедуктивные построения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Богатуров, А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. № 1. С. 16–33.

Bogaturov, Alexey D. "The Notion of World Politics in Theoretical Discourse." *International Trends*, no. 1 (2004): 16–33 [In Russian].

Бэкон, Ф. Новый Органон. М.: РИПОЛ классик, 2018.

Bacon, Francis. *Novum Organum*. Moscow: RIPOL klassik, 2019 [In Russian].

Иноземцев, Н.Н. et al. Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы. М.: Аспект пресс, 2022.

Inozemtsev, Nikolay N. *Foundations of the International Relations Theory: the Record of Institute of World Economy and International Relations in the 1970s*. Moscow: Aspekt press, 2022 [In Russian].

Кант, И. К вечному миру. М.: РИПОЛ классик, 2019.

Kant, Immanuel. *Zum Ewigen Frieden. Ein Philosophischer Entwurf*. Moscow: RIPOL klassik, 2019 [In Russian].

Кокошин, А.А. Методологические проблемы прогнозирования в интересах национальной безопасности России. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.

Kokoshin, Andrey A. *Methodological Challenges of Forecasting in the Interests of National Security of Russia*. Moscow: Institute of Oriental studies, 2014 [In Russian].

Косолапов, Н.А. et al. О попытке создания теории международных отношений в ИМЭМО в 1970-е годы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 4. С. 80–91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-80-91>.

Kosolapov, Nikolay A. et al. "About an Attempt to Create International Relations Theory in Institute of World Economy and International Relations in the 1970s." *World Economy and International Relations*, no. 4 (2021): 80–91 [In Russian].

Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

Marx, Karl. "18th Brumaire of Louis Bonaparte." Marx Karl, and Friedrich Engels. Works. Second edition. Vol. 8. Moscow: State Publishing House for Political Literature, 1957 [In Russian].

Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанов. Минск: В.М. Скакун, 1999.

Newest Philosophical Dictionary. Edited by Alexander A. Gritsanov. Minsk: V.M. Skakun, 1999 [In Russian].

Поздняков, Э.А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976.

Pozdnyakov, Elgiz A. *System Approach and International Relations*. Moscow: Science, 1976 [In Russian].

Поппер, К. Предположения и опровержения. М.: АСТ, 2004.

Popper, Karl. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. Moscow: AST, 2004 [In Russian].

Сафранчук, И.А., Лукьянов, Ф.А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 57–76.

Safranchuk, Ivan A., and Fyodor A. Lukyanov. "Modern World Order: Structural Realities and Competition Among Great Powers." *Polis. Political Studies*, no. 3 (2021): 57–76 [In Russian].

Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М.: МГИМО – Университет, 2016.

Podberyezkin, Alexey I., Aleksandrov, Mikhail V. *Strategic Forecasting of International Relations*. Moscow: MGIMO University, 2016 [In Russian].

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики. Том 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО – Университет, 2015.

Podberyezkin, Alexey I. *Strategic Forecasting and Planning in Foreign and Defense Policy. Volume 1. Theoretical Foundations of the System of Analysis, Forecasting and Planning Foreign and Defense Policy*. Moscow: MGIMO – University, 2015 [In Russian].

Фукидид. История. СПб.: Наука, 1999.

Thucydides. *History*. Saint Petersburg: Science, 1999 [In Russian].

Хрусталева, М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: НОФМО, 2008.

Khrustalev, Mark A. *Analysis of International Situations and Political Expertise*. Moscow: NOFMO, 2008 [In Russian].

Черкасов, П.П. ИМЭМО. Очерк истории. М.: Весь мир, 2016.

Cherkasov, Pyotr P. *Institute of World Economy and International Relations. History Essay*. Moscow: Whole World, 2016 [In Russian].

Юм, Д. Исследование о человеческом разумении. М.: Эксмо, 2019.

Hume, David. *An Enquiry Concerning Human Understanding*. Moscow: Eksmo, 2019 [In Russian].

Alley, Richard B., Kerry A. Emanuel, and Fuqing Zhang. "Advances in Weather Prediction." *Science* 363, issue 6425 (2019): 342–344. <https://doi.org/10.1126/science.aav7274>.

Andersen, Holly. "Mechanisms: What are They Evidence for in EvidenceBased Medicine?" *Journal of Evaluation in Clinical Practice* 18, no. 5 (2012): 992–999. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2753.2012.01906.x>.

Angell, Norman. *The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to Their Economic and Social Advantage*. London: W. Heinemann, 1910.

Ashley, Richard K. "Political Realism and Human Interests." *International Studies Quarterly* 25, no. 2 (1981): 204–236. <https://doi.org/10.2307/2600353>.

Beger, Andreas, Richard K. Morgan, and Michael D. Ward. "Reassessing the Role of Theory and Machine Learning in Forecasting Civil Conflict." *Journal of Conflict Resolution* 65, no. 7–8 (2021): 1405–1426. <https://doi.org/10.1177/0022002720982358>.

Benjamin, Daniel M., et al. "Hybrid Forecasting of Geopolitical Events." *AI Magazine* 44, no. 1 (2023): 112–128. <https://doi.org/10.1002/aaai.12085>.

Bernstein, Steven, et al. "God Gave Physics the Easy Problems: Adapting Social Science to an Unpredictable World." *European Journal of International Relations* 6, no. 1 (2000): 43–76. <https://doi.org/10.1177/135406610006001003>.

Blair, Robert A., and Nicholas Sambanis. "Forecasting Civil Wars: Theory and Structure in an Age of 'Big Data' and Machine Learning." *Journal of Conflict Resolution* 64, no. 10 (2020): 1885–1915. <https://doi.org/10.1177/0022002720918923>.

Booth, Ken. "International Relations: The Story So Far." *International Relations* 33, no. 2 (2019): 358–390. <https://doi.org/10.1177/0047117819851>.

Born M., Einstein A. *The Born-Einstein Letters*. London: Macmillan, 1971.

Brandt, Patrick T., John R. Freeman, and Philip A. Schrod. "Real Time, Time Series Forecasting of Inter- and Intra-State Political Conflict." *Conflict Management and Peace Science* 28, no. 1 (2011): 41–64. <https://doi.org/10.1177/0738894210388125>.

Braumoeller, Bear F. *Only the Dead: The Persistence of War in the Modern Age*. Oxford University Press, 2019.

Carr E.H. *The Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London: Macmillan, 1939.

Chadefaux, Thomas. "Conflict Forecasting and Its Limits." *Data Science* 1, no. 1–2 (2017): 7–17. <https://doi.org/10.3233/DS-170002>.

Choucri, Nazli. "Forecasting in International Relations: Problems and Prospects." *International Interactions* 1, no. 2 (1974): 63–86. <https://doi.org/10.1080/03050627408434390>.

Choucri, Nazli, and Th. W. Robinson. *Forecasting in International Relations: Theory, Methods, Problems, Prospects*. San Francisco: W. H. Freeman, 1978.

Colaresi, Michael, and Zuhaib Mahmood. "Do the Robot: Lessons from Machine Learning to Improve Conflict Forecasting." *Journal of Peace Research* 54, no. 2 (2017): 193–214. <https://doi.org/10.1177/0022343316682065>.

David Mermin, N. "What's Wrong with This Pillow?" *Physics Today* 42, no. 4 (1989): 9–11. <https://doi.org/10.1063/1.2810963>.

D'Orazio, Vito. "Conflict Forecasting and Prediction." *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.514>.

Einstein, Albert, Boris Podolsky, and Nathan Rosen. "Can Quantum-Mechanical Description of Physical Reality Be Considered Complete?" *Physical Review* 47, no. 10 (1935): 777–780. <https://doi.org/10.1103/PhysRev.47.777>.

Finnemore M. *National Interests in International Society*. Ithaca: Cornell University Press, 1996.

Foucault, Michel. *Dits et Écrits 1954–1988* (IV: 1980–1988). Gallimard, 1994.

Freeman, John R., and Brian L. Job. "Scientific Forecasts in International Relations: Problems of Definition and Epistemology." *International Studies Quarterly* 23, no. 1 (1979): 113–143. <https://doi.org/10.2307/2600276>.

Galtung, Johan. *Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization*. Oslo: International Peace Research Institute, 1996.

Gleditsch, Kristian Skrede, and Michael D. Ward. "Forecasting is Difficult, Especially About the Future: Using Contentious Issues to Forecast Interstate Disputes." *Journal of Peace Research* 50, no. 1 (2013): 17–31. <https://doi.org/10.1177/0022343312449033>.

Goes, F. R., et al. "Unlocking the Potential of Big Data to Support Tactical Performance Analysis in Professional Soccer: A Systematic Review." *European Journal of Sport Science* 21, no. 4 (2021): 481–496. <https://doi.org/10.1080/017461391.2020.1747552>.

Goldstone, Jack A., et al. "A Global Model for Forecasting Political Instability." *American Journal of Political Science* 54, no. 1 (2010): 190–208. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00426.x>.

Gunning, David, et al. "XAI—Explainable Artificial Intelligence." *Science Robotics* 4, no. 37 (2019): eaay 7120. <https://doi.org/10.1126/scirobotics.aay7120>.

Guyatt, Gordon, et al. "Evidence-Based Medicine: A New Approach to Teaching the Practice of Medicine." *Jama* 268, no. 17 (1992): 2420–2425. <https://doi.org/10.1001/jama.1992.03490170092032>.

Hegre, Håvard, et al. "ViEWS: A Political Violence Early-Warning System." *Journal of Peace Research* 56, no. 2 (2019): 155–174. <https://doi.org/10.1177/0022343319823860>.

Hegre, Håvard, et al. "Introduction: Forecasting in Peace Research." *Journal of Peace Research* 54, no. 2 (2017): 113–124. <https://doi.org/10.1177/0022343317691330>.

Hegre, Håvard, Paola Vesco, and Michael Colaresi. "Lessons from an Escalation Prediction Competition." *International Interactions* 48, no. 4 (2022): 521–554. <https://doi.org/10.1080/03050629.2022.2070745>.

Hempel, Carl G. *Philosophy of Natural Science*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966.

Hoffmann, Stanley. *Duties beyond Borders: on the Limits and Possibilities of Ethical International Politics*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1981.

Hossain, KSM Tozammel, et al. "Forecasting Violent Events in the middle East and North Africa Using the Hidden Markov Model and Regularized Autoregressive Models." *The Journal of Defense Modeling and Simulation* 17, no. 3 (2020): 269–283. <https://doi.org/10.1177/1548512918814698>.

Howick, Jeremy. "Exposing the Vanities and a Qualified Defense of Mechanistic Reasoning in Health Care Decision Making." *Philosophy of Science* 78, no. 5 (2011): 926–940. <https://doi.org/10.1086/662561>.

Jackson, Patrick Thaddeus. "Causal Claims and Causal Explanation in International Studies." *Journal of International Relations and Development* 20 (2017): 689–716. <https://doi.org/10.1057/jird.2016.13>.

Linklater, Andrew. *Men and Citizens in the Theory of International Relations*. London: Macmillan, 1982.

Lynch, Cecelia. *Interpreting International Politics*. Oxon: Routledge, 2013.

Mearsheimer, John J., and Stephen M. Walt. "Leaving Theory Behind: Why Simplistic Hypothesis Testing is Bad for International Relations." *European Journal of International Relations* 19, no. 3 (2013): 427–457. <https://doi.org/10.1177/1354066113494320>.

Morgenthau, Hans J. *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago, Ill.: The University of Chicago press, 1946.

Neufeld, Mark. "Interpretation and the 'Science' of International Relations." *Review of International Studies* 19, no. 1 (1993): 427–61. <https://doi.org/10.1017/S0260210500117334>.

Popper, Karl R. *Of Clouds and Clocks: An Approach to the Problem of Rationality and the Freedom of Man*. Washington University, 1966.

Price, Richard, and Christian Reus-Smit. "Dangerous Liaisons? Critical International Theory and Constructivism." *European Journal of International Relations* 4, no. 3 (1998): 259–294. <https://doi.org/10.1177/1354066198004003001>.

Raghavan, Vasanthan, Aram Galstyan, and Alexander G. Tartakovsky. "Hidden Markov Models for the Activity Profile of Terrorist Groups." *The Annals of Applied Statistics* (2013): 2402–2430. <https://doi.org/10.1214/13-AOAS682>.

Rein, Robert, and Daniel Memmert. "Big Data and Tactical Analysis in Elite Soccer: Future Challenges and Opportunities for Sports Science." *SpringerPlus* 5 (2016): 1–13. <https://doi.org/10.1186/s40064-016-3108-2>.

Richardson, Rashida, Jason M. Schultz, and Kate Crawford. "Dirty Data, Bad Predictions: How Civil Rights Violations Impact Police Data, Predictive Policing Systems, and Justice." *NYUL Rev. Online* 94 (2019): 15–55.

Schneider, Gerald, Nils Petter Gleditsch, and Sabine Carey. "Forecasting in International Relations: One Quest, Three Approaches." *Conflict Management and Peace Science* 28, no. 1 (2011): 5–14. <https://doi.org/10.1177/0738894210388079>.

Schutte, Sebastian. "Regions at Risk: Predicting Conflict Zones in African Insurgencies." *Political Science Research and Methods* 5, no. 3 (2017): 447–465. <https://doi.org/10.1017/psrm.2015.84>.

State Sovereignty as Social Construct, edited by T.J. Biersteker, C. Weber. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Tetlock, Philipp E. *Expert Political Judgment: How Good is It? How Can We Know?* Princeton: Princeton University Press, 2017.

Tetlock, Philipp E., and Dan Gardner. *Superforecasting: The Art and Science of Prediction*. Random House, 2016.

Tversky, Amos, and Daniel Kahneman. "Extensional versus Intuitive Reasoning: The Conjunction Fallacy in Probability Judgment." *Psychological Review* 90, no. 4 (1983): 293–315. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-295X.90.4.293>.

Ugwudike, Pamela. "Predictive Algorithms in Justice Systems and the Limits of Tech-Reformism." *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy* 11, no. 1 (2022): 85–99. <https://doi/10.3316/informit.379473425080819>.

Vasquez, John A. "The Realist Paradigm and Degenerative versus Progressive Research Programs: An Appraisal of Neotraditional Research on Waltz's Balancing Proposition." *American Political Science Review* 91, no. 4 (1997): 899–912. <https://doi.org/10.2307/2952172>.

Waltz, Kenneth N. "Evaluating Theories." *American Political Science Review* 91, no. 4 (1997): 913–917. <https://doi.org/10.2307/2952173>.

Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley, 1979.

Walzer, Michael. *Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations*. N.Y.: Basic Books, 1977.

Ward, Michael D., et al. "Comparing GDELT and ICEWS Event Data." *Analysis* 21, no. 1 (2013): 267–297.

Ward, Michael D. "Can we Predict Politics? Toward What End?" *Journal of Global Security Studies* 1, no. 1 (2016): 80–91. <https://doi.org/10.1093/jogss/ogv002>.

Ward, Michael D. "Do We Have Too Much Theory in International Relations or Do We Need Less? Waltz was Wrong, Tetlock was Right." *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.301>.

Ward, Michael D., and Andreas Beger. "Lessons from Near Real-Time Forecasting of Irregular Leadership Changes." *Journal of Peace Research* 54, no. 2 (2017): 141–156. <https://doi.org/10.1177/0022343316680858>.

Ward, Michael D., Brian D. Greenhill, and Kristin M. Bakke. "The Perils of Policy by p-value: Predicting Civil Conflicts." *Journal of Peace Research* 47, no. 4 (2010): 363–375. <https://doi.org/10.1177/0022343309356491>.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Wendt, Alexander. "Why a World State is Inevitable." *European Journal of International Relations* 9, no. 4 (2003): 491–542. <https://doi.org/10.1177/135406610394001>.

Сведения об авторе

Игорь Александрович Истомин,

к. полит.н, доцент, и.о. заведующего кафедры прикладного анализа международных проблем (ПАМП) МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76

e-mail: iaistomin@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 23 апреля 2024.

Переработана: 17 мая 2024.

Принята к публикации: 20 мая 2024.

Сведения о финансировании

Публикация подготовлена в рамках гранта на реализацию МГИМО МИД России программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Благодарность

Предыдущие версии исследования прошли апробацию в рамках совместного научного семинара МГИМО – НИУ «Высшая школа экономики» 27 января 2023 г. и на заседании исследовательской лаборатории «Стратегия, статус и этика в международном обществе» 12 апреля 2023 года. Автор выражает признательность участникам обоих обсуждений за ценные комментарии и критику.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Истомин, И.А. В будущее возьмут не всех? Место прогнозирования в международно-политических теориях // Международная аналитика. 2024. Том 15 (2). С. 36–56.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-36-56>

Not Everyone Will Be Taken into the Future? The Role of Forecasting in International Relations Theory

ABSTRACT

The 2010s witnessed intensified debates in international academia on the relationship between theory and forecast, but Russian scholarship remained detached from these discussions. This article intends to examine the contribution of theory to forecasting in IR, identifying prospects for combining the prescriptive, explanatory, interpretive and predictive functions of science. It reveals the origins of both theoretical skepticism about prediction and the counter criticism of futile theorizing. The article reveals the limitations of both the hypothetico-deductive model of scholarship, which dominates the discipline, and the statistical inductivism that opposes it. The analysis begins by identifying the different classes of theories in international relations studies. It demonstrates that the basic assumptions of normative, deconstructive, and interpretive theorizing are poorly compatible with prediction. The article further scrutinizes the ambivalent attitude of explanatory theories towards the matter, claiming the fundamental unpredictability of social interactions. It explores the growth in expectations since the late 2000s that the accumulation of big data and the advancement of methods for processing them will provide predictions without relying on explanatory inferences. Nevertheless, the value of scholarship for foreign policy practice requires a combination of theoretical explanations and predictive studies. This article suggests that for theory to play a major role in forecasting, forecasts must play a major role in theorizing. In this sense, reluctance to test their logical inferences with predictions exemplified by scholars poses a barrier to the development of IR studies.

KEYWORDS

theory, forecast, hypothetico-deductive model, statistical inductivism, machine learning

Author

Igor A. Istomin,

PhD (Polit. Sci), Associate Professor, Head of the Department of Applied International Political Analysis,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: iaistomin@gmail.com

Additional information

Received: April 23, 2024. Revised: May 17, 2024. Accepted: May 20, 2024.

Funding

The article was prepared within the framework of a grant for the implementation of the MGIMO strategic academic leadership program "Priority-2030."

Acknowledgment

Previous versions of the study were tested at a joint scientific seminar of MGIMO – National Research University Higher School of Economics on January 27, 2023 and at a meeting of the research laboratory "Strategy, Status and Ethics in International Society" on April 12, 2023. The author expresses gratitude to the participants of both discussions for valuable comments and criticism.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Istomin, Igor A. "Not Everyone Will Be Taken into the Future? The Role of Forecasting in International Relations Theory." *Journal of International Analytics* 15, no. 2 (2024): 36–56.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-36-56>